

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эррико Малатеста
Анархия и насилие

Американские известия. 1924. № 149. С.2.

ru.theanarchistlibrary.org

Анархия и насилие

Эррико Малатеста

Анархия значит: отсутствие насилия, отсутствие господства человека над человеком, отсутствие давления силы воли одного или нескольких на волю других.

«Анархия», т.е. общество свободных солидарных братьев, гарантирующих максимум свободы развития и возможного счастья, может и должна восторжествовать только при согласовании интересов, при добровольной взаимопомощи, при любви, уважении, взаимотерпимости, и при взаимной благожелательности.

Несомненно, существуют другие люди, другие партии, другие учения, так же искренне преданные общему благу, как и лучшие из нас. Но то, что отличает анархистов от всех других, это именно отвращение к насилию, желание и стремление уничтожить насилие, т.е. грубую силу, соперничество между людьми.

Можно было бы даже сказать, что то, что особенно отличает анархистов, то есть идея уничтожения жандарма, идея исключения из общественных факторов порядка, предписанного грубой силой, будь она законной или незаконной. Но тогда можно было бы спросить, почему же в нынешней

борьбе против политико-социальных учреждений, признанных анархистами угнетающими, они превозносили и применяли, превозносят и применяют, когда могут, средства насилия, настолько однако явно противоречащие их конечным идеалам, что иногда многие честные противники думали и все бесчестные притворились, что думают, будто отличительной чертой анархизма является именно насилие. Вопрос, как будто затруднительный, но на него можно ответить немногими словами: для того, чтобы два существа жили в мире, нужно, чтобы оба хотели мира, так как, если один из них упорствует и заставляет силой другого работать на себя и служить себе, другой, если он желает сохранить человеческое достоинство и не быть обращенным в самое низкое рабство, будет принужден противопоставить силу силе, несмотря на всю свою любовь к миру и согласию.

Предположите, например, что у вас стычка с каким-нибудь Думини (*убийца денутата-социалиста Матеоти — прим. перев.*), он вооружен, а вы безоружны, с ним многочисленная банда — вы одни или с немногими, он уверен в своей безнаказанности — вас же смущает мысль о возможности прихода жандармов, которые вас арестуют, будут издеваться над вами, засадят вас в тюрьму бог ведает насколько времени, — скажите же мне, можно ли было бы тут думать выйти из этого трудного положения, убеждая Думини разумными доводами быть справедливым, добрым, мягким?

Первопричина всех зол, которые мучили и до сих пор мучают человечество, исключая, конечно тех, что зависят от враждебных сил природы, это тот факт, что люди не поняли, что согласие и братская взаимопомощь были бы лучшим средством к обеспечению для всех максимума благ. Более сильные и более хитрые захотели подчинить себе и эксплуатировать остальных: достигнув преимуще-

ственного положения, они захотели навеки укрепить его за собой, создавая для своей защиты всякого рода постоянные органы принуждения. Отсюда та жестокая борьба, которой полна история, несправедливое злоупотребление, зверское угнетение с одной стороны, сопротивление с другой. Тут не приходится делать различия между партиями. Кто хотел освободиться, должен был противопоставить силу — силе, оружие — оружию. Однако каждый, находя вполне необходимым и справедливым употреблять силу для защиты своих собственных интересов своего класса, своей страны, осуждал однако во имя какой-то отвлеченной морали насилие, когда оно в ущерб его интересам служило интересам, классу, стране других.

Так, например, здесь в Италии те самые, которые прославляют вполне справедливо войну за независимость и воздвигают мраморные и бронзовые памятники в честь А. Милано, Орсини, Обердан, те, кто посвящали пламенные гимны Софье Перовской и другим мученикам далеких стран, называли преступниками анархистов, когда те явились требовать полной свободы и справедливости для всех людей и открыто заявили, что сегодня, как и вчера, пока существуют угнетение и привилегии, до тех пор народное восстание, бунт личности или массы останутся необходимым средством для завершения освобождения. Я вспоминаю, как по поводу одного нашумевшего анархического покушения некто, стоявший в первых рядах социалистической партии и только что вернувшийся с турецко-греческой войны, очень громко кричал при одобрении своих товарищей, что человеческая жизнь всегда священна и что даже во имя свободы нельзя на неё покушаться. Видно жизнь турков и цель освобождения греков были исключением.

Что это? Нелогичность или лицемерие?

Однако анархическое насилие является единственным, которое находит себе оправдание, единственным, которое не является преступным.

Я говорю, конечно, о насилии с действительно анархическими чертами, а не о тех или иных фактах слепого и неразумного насилия, приписанных анархистам или даже совершенных настоящими анархистами, которые дошли до отчаяния благодаря преследованиям или ослепленными благодаря своей чрезмерной чувствительности, которую разум не смог умерить, ослеплёнными видом общественной несправедливости, собственным горем или при виде чужого горя.

Насилие истинно анархическое, это — насилие, которое прекращается там, где прекращается необходимость защиты и освобождения. Оно смягчается сознанием, что личности, взятые в отдельности, мало или совсем не ответственны за то положение, которое им создали наследственность и среда; анархическое насилие, вдохновляется не ненавистью, а любовью; оно священо, потому, что добивается освобождения всех, а не замещения власти других собственной властью.

В Италии есть партия, которая в целях высокой культуры старалась уничтожить в массах всякую веру в насилие и дошла до того, что считала массы ответственными в каком бы то ни было сопротивлении, когда наступил фашизм. Мне кажется, что Турати (*вождь итальянских социал-реформистов — прим. перев.*) сам более или менее ясно признал этот факт и сожалел о нем в своей речи в Париже в память Жореса.

Анархисты не лицемерят. На силу нужно отвечать силой: сегодня бороться против угнетений сегодняшнего дня, завтра — против того угнетения, что попытается заменить сегодняшнее. Мы хотим свободу для всех, для нас и для друзей так же, как и для наших противников и врагов. Свободу

мысли и свободу пропаганды, свободу работать и устраивать свою собственную жизнь по своему, но, конечно, не свободу — и пусть коммунисты не занимаются игрой слов — не свободу для уничтожения свободы и экспроприации работы других.